

Ф.О. Трунов

Наращивание присутствия НАТО в Восточной Европе: Особенности и последствия

Аннотация. В статье исследуются динамика наращивания присутствия Североатлантического альянса в Восточной Европе и военно-политические последствия данного процесса. В этой связи изучается использование силовых инструментов НАТО (в том числе созданных в 2014–2016 гг.) на территории Польши и государств Балтии. Анализируются особенности и политические результаты военно-тренировочной деятельности альянса в Польше (на примере учений «Анаконда-2016»). В работе раскрывается динамика процесса милитаризации Прибалтики, определяются цели участия в нем НАТО и региональных игроков. Делается вывод о положительных и отрицательных политических последствиях укрепления военных позиций Североатлантического альянса в Восточной Европе для стран региона.

Abstract. The article investigates the dynamics of NATO's expansion of its military presence in Eastern Europe and military and political consequences of this process. In this regard the article studies the usage by NATO at the territory of Poland and Baltic states of its available and also newly created in 2014–2016 military tools. The article analyses the features and political results of the Alliance military training activity in Poland (the case of military exercises «Anaconda-2016»). The paper covers the dynamics of the militarization process of Baltic region and determines goals of NATO and regional actors in this process. The author concludes that there are positive and negative consequences of the Alliance military positions strengthening in Eastern Europe for the regional states.

Ключевые слова: НАТО, военное присутствие, Восточная Европа, Польша, прибалтийские государства, Германия.

Keywords: NATO, military presence, Eastern Europe, Poland, Baltic states, Germany.

В период холодной войны государства Восточной Европы (ВЕ) располагались в первом геостратегическом эшелоне Организации Варшавского договора. Угроза потенциального мощного удара НАТО по странам региона обуславливала как создание в этих странах собственных боеспособных вооруженных сил, так и дислоцирование значительных группировок советских войск на их территории. Однако в 1989–1993 гг. советские войсковые подразделения были достаточно оперативно выведены из региона под нажимом восточноевропейских государств, стремившихся к смене основного внешнеполитического вектора после свертывания холодной войны.

Вхождение в состав ЕС (2004) и особенно в состав НАТО (расширения альянса 1999 и 2004 гг.) рассматривалось государствами Восточной Европы и странами Балтии как основной инструмент качественного повышения своей безопасности. В эти годы в странах ВЕ значительно ускорились процессы сокращения численности вооруженных сил, парка боевой и транспортной техники, а также их перехода на контрактно-добровольческую систему комплектования [Bredow von, 2015, S. 204]. Это объяснялось «перезатачиванием» армий, и особенно ВМС, ВВС и сил специальных операций стран ВЕ, с обеспечения территориальной обороны на проведение широкого спектра операций вне зоны ответственности НАТО – в 1990-х годов на Балканах, а с начала XXI в. – на Ближнем Востоке.

Однако в середине 2010-х годов, в условиях скатывания России и Евро-Атлантического сообщества¹ к состоянию конфронтации (сначала на фоне украинских событий, а с 2016 г. – при нарастании противоречий по решению «сирийской проблемы»), региональные игроки вновь оказались на «передовой». Восточная Европа в оче-

¹ Под Евро-Атлантическим сообществом и «коллективным» Западом в настоящей статье понимается совокупность государств – членов НАТО и ЕС.

редной раз стала местом проведения интенсивных (30–40) крупных учений в год¹ и достаточно масштабных (до 30 тыс. военнослужащих одновременно) учебных маневров, что сопровождалось ростом численности личного состава и парка техники дислоцированных в регионе вооруженных сил как расположенных здесь стран, так и их партнеров по Североатлантическому альянсу.

Задача автора настоящей статьи – раскрыть особенности и политические результаты данного процесса для стран региона и государств, входящих в Североатлантический альянс в целом. При этом основное внимание уделяется конкретным шагам, предпринимаемым Евро-Атлантическим сообществом в Польше и Прибалтике, на «фокусных направлениях» переброски в регион новых войск блока.

Развитие инструментария НАТО в условиях стратегического ухудшения отношений с Россией

В начале – середине 2000-х годов, т.е. в период подготовки и осуществления расширения НАТО на восток, в дополнение к авиагруппе самолетов AWACS, действующей с 1979 г., Североатлантический альянс создал новые военные инструменты, часть из которых стала использоваться в Восточной Европе.

Во-первых, с 2002 г. начали действовать силы быстрого реагирования НАТО (СБР) (NATO Response Forces (NRF)), комплектуемые на ротационной основе европейскими государствами – членами альянса [NATO Response.., 2016].

Во-вторых, мониторинг ситуации в акваториях, омывающих территории стран Восточной и Юго-Восточной Европы, был возложен на созданные в 2005 г. две постоянные морские группы (ПМГ) (Standing NATO Maritime Group в составе NRF) и две постоянные контрминные группы (ПКМГ) (Standing NATO Mine Countermeasures Groups) (табл. 1).

¹ Рассчитано автором на основе данных с сайта военного командования НАТО [Supreme Headquarters.., 2016].

Особенности применения военно-морских инструментов НАТО в акваториях Балтийского и Черного морей

Инструмент (группировка)	Основная акватория (акватории) деятельности
1-я постоянная морская группа	Балтийское море, Финский залив, Ботнический залив, Северное море
1-я постоянная контрминная группа	
2-я постоянная морская группа	Средиземное море, Мраморное море, проливы Босфор и Дарданеллы, Черное море, Адриатическое море
2-я постоянная контрминная группа	

Основой 1-й ПМГ и 1-й ПКМГ стали корабли из состава ВМФ Канады, Германии, Нидерландов и США. Активность действий всех морских и контрминных групп, особенно в акваториях Балтийского и Черного морей, резко возросла – следует упомянуть, в первую очередь, демонстративное посещение кораблями этих групп портов Эстонии, Латвии, Болгарии и Румынии [Allied Maritime., 2016].

В-третьих, в марте 2004 г. была развернута миссия по патрулированию и мониторингу обстановки в воздушном пространстве Эстонии, Латвии и Литвы. С конца 2000-х годов самолеты, используемые для этой цели, стали базироваться преимущественно на литовской авиабазе Шауляй (Шавли) и эстонской авиабазе Эмари, модернизированных при участии НАТО [NATO Air., 2016].

Осуществление этих военно-стратегических шагов демонстрировало, что руководство НАТО разделяет опасения по поводу «российской угрозы», выказывавшиеся истеблишментом новых стран – участниц альянса с середины 2000-х годов. При этом Организация Североатлантического договора подчеркивала, что создание данных военных механизмов не нарушает положения Основопологающего акта Россия-НАТО (1997) об отказе от развертывания на постоянной основе новых воинских частей и соединений у границ друг друга. Ключевыми аргументами выступали ротация (раз в полгода) боевых самолетов и их экипажей, а также «временный» (но не определенный де-юре) характер использования отмеченных

военных инструментов. Тем самым уже в середине – второй половине 2000-х годов в НАТО была выработана схема, позволявшая, с одной стороны, учитывать озабоченность восточноевропейских государств, с другой – формально не нарушить договоренностей с Россией в военно-политической области. Значение основополагающего акта (1997) еще более возросло в условиях фактического выхода РФ из ДОВСЕ (2007).

Рост напряженности в отношениях сторон в ходе украинских событий привел к наращиванию мощностей как уже имеющихся инструментов НАТО (в первую очередь, СБР), так и к созданию дополнительных с целью их применения на территории Восточной Европы и Прибалтики.

На Уэльском саммите альянса (4–5 сентября 2014 г.) было принято решение увеличить численность СБР НАТО с 15 тыс. до 30 тыс. человек [Wales Summit., 2014]. Входящая в состав СБР наземная группировка, по численности эквивалентная дивизии, была усилена военно-морской и военно-воздушной группировками, а также силами специального назначения [Warsaw Summit., 2016]. Решением глав оборонных ведомств стран – участниц НАТО от 5 февраля 2015 г. в составе СБР была создана бригада повышенной боевой готовности (БПБГ) (Very High Readiness Joint Task Force (VJTF)) штатной численностью 5 тыс. человек. Впервые она приняла участие в военных учениях «Noble Jump» на территории Польши 9–19 июня 2015 г. [NATO Response., 2016].

Тем самым, принимая во внимание озабоченность официальной Варшавы и рассчитывая на последующее превращение польской территории в один из ключевых полигонов для отработки возможностей СБР, НАТО продемонстрировала первоочередную значимость использования своих СБР для сдерживания России. Уже 24 июня 2015 г. численность сил быстрого реагирования была вновь увеличена (в первую очередь, за счет военно-морской и военно-воздушной группировок) – до 40 тыс. военнослужащих [Ibid.]. Учитывая, что полная ротация групп стран, поочередно предоставляющих контингенты своих вооруженных сил для уком-

плектования СБР¹, происходит каждые семь лет [Warsaw Summit., 2016], в распоряжении альянса потенциально появились 280-тысячные ударные войска (без учета возможностей США и Канады). Поскольку формально такие силы достаточны для проведения первоначальных активных как оборонительных, так и наступательных действий на пространстве от Эстонии до Болгарии, предполагалось, что это решение должно снизить опасения восточноевропейского истеблишмента по поводу «российской угрозы».

Следуя избранному курсу, НАТО приступила к постепенному развертыванию дополнительного контингента армейских частей альянса в Эстонии, Латвии, Литве, Польше, Болгарии и Румынии. Стремясь избежать критики за формальное нарушение Основополагающего акта Россия–НАТО, официальный Брюссель, как и в середине 2000-х годов, вновь избрал принцип ротационного (обычно раз в полгода) и временного (без указания конкретных сроков) развертывания наземных войск.

США начали участвовать в реализации указанных планов альянса с 2014 г., а с 2016 г. к ним присоединились и европейские государства – члены НАТО. Думается, что хронологическая разница в инициировании принятой повестки объяснялась, с одной стороны, сохранением доминирующей роли Соединенных Штатов как члена блока в собственно военной сфере, с другой – инерционностью континентальных европейских держав (в первую очередь, ФРГ) при принятии решений по вопросам осуществления военных мер, которые могли бы спровоцировать новый виток напряженности в отношениях Запада и РФ с непредсказуемыми последствиями. Показательно, что при решении вопроса о первом резком увеличении численности СБР (до 30 тыс.) консенсус был найден только в момент заключения «Минска-1», а о создании бригады повышенной боевой готовности – после «Минска-2», т.е. при заключении договоренностей, которые при всей их спорности в наибольшей степени способствовали деэскалации вооруженного конфликта на востоке Украины. Обращает на себя внимание и

¹ Каждый год СБР комплектуются из контингентов трех-четырёх стран – участниц НАТО; на следующий год свои контингенты предоставляют следующие три-четыре государства-члена.

критика, с которой глава МИД ФРГ Ф.-В. Штайнмайер выступил в отношении военных учений НАТО «Saber Strike» с применением бронетехники, проводившихся на территории Эстонии в середине июня 2016 г. и отнюдь не способствовавших нормализации отношений России с Западом [Außenminister., 2016].

Уже весной 2014 г. на территории Эстонии, Латвии, Литвы и Польши были размещены четыре роты (около 600 военнослужащих) армии США. На самом же деле при интенсификации военнотренировочной деятельности на территории Прибалтики и Республики Польша (РП) в 2014–2015 гг. численность американских военных в регионе значительно превышала эту цифру. Косвенно признавая данный факт, Пентагон в марте 2016 г. принял решение разместить на указанных территориях танковую бригаду (штатная численность – 4,2 тыс. солдат и офицеров), ядро которой должно было находиться в Польше, а фланговые части – в прибалтийских республиках, а также в Болгарии и Румынии [Американский генерал., 2016].

На Варшавском саммите НАТО в июле 2016 г. было принято окончательное решение о развертывании на ротационной основе четырех батальонных тактических групп (БТГ) альянса в Эстонии, Латвии, Литве и Польше. Их рамочные основы должны были составить подразделения вооруженных сил Великобритании, Канады, Германии и США соответственно. Кроме того, на территории Восточной Европы предполагалось развернуть восемь комплектуемых по смешанной системе подразделений с целью обучения и поддержки соединений вооруженных сил региональных стран – участниц НАТО. Для руководства силами альянса в Польше было организовано корпусное управление смешанными силами «Северо-Восток» (предназначенное для управления двумя-пятью дивизиями и отдельными частями), а в Румынии – дивизионное управление «Юго-Восток» [Warsaw Summit., 2016], что указывает на приоритет Прибалтики и Польши в военных планах НАТО перед Румынией и Болгарией (что также подтверждается интенсивностью и масштабами военных учений в каждом из этих двух субрегионов).

Примеры вновь создаваемых батальонных тактических групп НАТО в ВЕ, а также принцип очередности в комплектовании СБР

(и особенно – в комплектовании бригады повышенной боевой готовности¹) свидетельствуют о том, что ключевая нагрузка в создании новых военных механизмов на территории Восточной Европы возлагается на англосаксонские и континентальные европейские державы – участницы альянса.

Разумеется, при рассмотрении процессов, связанных с наращиванием военного присутствия НАТО в ВЕ (которое декларируется как временное), встает вопрос: несет ли подобное «временное присутствие» большую угрозу для России и, соответственно, оказывает ли более сильное негативное влияние на ее отношения с Западом, чем возможное развертывание постоянных группировок альянса? Как ни парадоксально, ответ на данный вопрос является положительным. Во-первых, привязка срока деятельности данных механизмов к «русской угрозе» при демонстрации постоянной озабоченности ею со стороны руководства стран ВЕ означает де-факто постоянный характер дислоцирования группировок НАТО вблизи границ РФ. При этом Запад постепенно увеличивает как численность личного состава, так и количество единиц боевой техники, не устанавливая никакого «верхнего потолка» для данных показателей. Однако любые закономерные симметричные меры российской стороны по развертыванию дополнительных военных сил вблизи своих границ (в том числе в Калининградской области) могут быть формально истолкованы Западом как нарушение основополагающего акта Россия–НАТО и стать поводом для нового наращивания своего присутствия. Во-вторых, при полугодовой ротации личного состава в реальности вместо одной бригады отработку тактических действий в непосредственной близости от границ России за два-три года проводит полнокровная армейская дивизия². Поэтому повышается вероятность денонсации со стороны

¹ Комплектование этого соединения было возложено (в рамках годичной очередности) на Францию, Германию, Италию, Польшу, Испанию, Турцию и Великобританию.

² Для вооруженных сил НАТО, в первую очередь армий США, Великобритании и ФРГ, характерен феномен «больших дивизий», каждая из которых по численности и оснащённости вооружениями примерно эквивалентна общевойсковой армии в составе ВС РФ.

РФ Основопологающего акта 1997 г. или «заморозки» его действия до уточнения пункта о возможных трактовках термина «постоянное военное присутствие». В этом случае будет порвана одна из последних нитей, связывающих Россию и Запад в сфере международной безопасности при одновременном свертывании диалога в данной области как по линии ЕС, так и по линии НАТО.

Помимо создания новых военных механизмов процесс наращивания присутствия альянса в Восточной Европе включает в себя заметную интенсификацию военно-тренировочной деятельности, в первую очередь на территории Республики Польша.

Польша – основной полигон для общевоинских учений НАТО?

Как уже отмечалось, с 2015 г. именно на территории Польши стали проводиться основные мероприятия по проверке боеготовности бригады повышенной боевой готовности (БПБГ) – авангардного соединения СБР НАТО. Так, в середине мая 2016 г. в Республику Польша для проведения учений была оперативно перебросана исполнявшая в тот момент роль БПБГ 7-я легкая пехотная бригада испанской армии, что подробно освещалось западными СМИ [Szczecin witnesses., 2016].

Почему именно Польша в середине 2010-х годов превратилась в основной полигон для учений БПБГ? Думается, это объясняется не только мощью вооруженных сил Польши и развитостью военной инфраструктуры (на фоне остальных государств Восточной Европы). Ставшие регулярными учения ударных сил НАТО являются весомым аргументом, свидетельствующим о поддержке Западом проводимого официальной Варшавой антироссийского курса, что стало особенно очевидно после победы на президентских выборах в Польше в мае 2015 г. кандидата от партии «Право и справедливость», ориентированной на углубление связей с Евро-Атлантическим сообществом.

При этом, демонстрируя поддержку своим партнерам в ВЕ, ведущие западноевропейские государства НАТО, играющие ключевую роль в комплектовании СБР, в то же время, действуя с учетом геополитических факторов, избегают чрезмерного роста на-

пряженности в отношениях с Россией в связи с проведением очередных учений. Показательно, что высадка войск проводилась в порту Шецин, а сами учения – на полигоне Жагань [Szczecin witnesses., 2016], в глубинных, самых западных (и, соответственно, наиболее удаленных от России) районах Польши. Совсем по-иному воспринимались бы учения БПБГ в Эстонии и Латвии (вблизи Санкт-Петербурга), а также в Румынии или в акватории Черного моря (вблизи Приднестровья или Крымского полуострова).

Однако соблюдение принципа сдержанности при осуществлении военно-тренировочной деятельности БПБГ – «острия копья» войск НАТО – в значительно меньшей степени распространяется на остальные виды учений, проводимых под эгидой альянса. Несмотря на снижение риска прямой военной конфронтации между Россией и Западом в 2015–2016 гг., ни частота, ни масштаб военно-тренировочных акций альянса в РП не уменьшились. Так, в середине июня 2016 г. на территории Польши (преимущественно в центральных ее районах) были проведены учения «Анаконда-2016» – крупнейшие в Восточной Европе со времен окончания холодной войны. Всего в них приняли участие свыше 31 тыс. военнослужащих, из которых свыше 14 тыс. (45%) представляли вооруженные силы США, около 12 тыс. (40%) – вооруженные силы самой РП и около 0,8 тыс. – вооруженные силы Великобритании [Smith, 2016]. Наземные (в том числе бронетанковые) подразделения были представлены силами еще 21 государства, в том числе двух условно нейтральных стран – Швеции и Финляндии. Очевидно, что ключевую роль в данных учениях играли не сформированные из воинских частей европейских стран СБР, а вооруженные силы США. Таким образом, Белый дом продемонстрировал свое стремление усилить военное присутствие в Восточной Европе, в первую очередь на территории Польши (что в дальнейшем может привести, в числе прочего, к снижению темпов наращивания военно-политического присутствия Соединенных Штатов в Азиатско-Тихоокеанском регионе для сдерживания КНР).

Масштаб военных маневров и число стран – участниц учений «Анаконда-2016» показали, во-первых, готовность НАТО отразить возможные «проявления» «российской угрозы» практически

любого масштаба, во-вторых, открытое пренебрежение альянса по отношению к положениям ДОВСЕ (1990), от выполнения которого Запад формально не отказался: по этому договору, максимальное число военнослужащих, задействованных в конкретных учениях, не должно превышать 13 тыс. человек [Договор., 1990]. Показательно, что данные учения проводились незадолго до саммита НАТО в Варшаве (8–9 июля 2016 г.), где Россия была вновь признана первостепенной угрозой («Исламскому государству»¹ было отведено второе место). Тем самым учения «Анаконда-2016» стали очевидным «сигналом», адресованным руководству РФ, о готовности «коллективного» Запада оставаться в парадигме военно-стратегического сдерживания до достижения своих стратегических целей. В этой связи сам факт учений следует рассматривать в качестве политической «артподготовки», предшествовавшей принятию на Варшавском саммите решений о расширении долгосрочного военного присутствия НАТО в ВЕ.

В числе же сугубо военных результатов учений «Анаконда-2016» следует выделить апробацию ударной межвидовой группы корпусного состава, впервые после окончания холодной войны осуществленную в условиях восточноевропейского театра военных действий. «Ядро» данной группировки составляют вновь создаваемые военные механизмы НАТО в Восточной Европе. Показательно, что помимо учебных боев общевойсковых частей в ходе учений «Анаконда-2016» были проведены тренировки по отражению киберугроз, атак с использованием химического оружия и масштабное десантирование [Smith, 2016].

Необходимость отработки противодействия взлому войсковых информационных систем объяснялась участвовавшими хакерскими атаками на порталы, содержащие стратегическую информацию, в которых чаще всего обвиняется российская сторона. Показательно, что именно на территории Эстонии – в непосредственной близости от границ РФ – еще в 2014 г. был создан первый центр НАТО по борьбе с киберпреступностью.

¹ *Запрещенная в России террористическая организация.*

Внимание к отработке действий при отражении химической атаки, в целом не характерное для крупномасштабных учений альянса после окончания холодной войны, было связано, думается, с переосмыслением опыта гражданской войны в Сирии, где химическое оружие применялось неоднократно. Учитывая наличие единиц химического ОМП у «Исламского государства» и (предположительно) других структур международного терроризма, сохраняется вероятность его применения в Европе.

Высадка масштабного тактического десанта с ведущим участием англосаксонских держав (из 1130 парашютистов около 500 были из США и 230 – из Великобритании [Smith, 2016]) позиционировалась как «зеркальный» ответ на учения ВДВ РФ.

Таким образом, в ходе учений «Анаконда-2016» страны Североатлантического альянса, и в первую очередь США, продемонстрировали готовность защищать своих восточноевропейских партнеров от военно-политических угроз широкого спектра и различного (в том числе – значительного) масштаба, что было формально оформлено в коммюнике по итогам Варшавского саммита НАТО [Warsaw Summit., 2016].

Думается, однако, что в результате наращивания военного присутствия НАТО на территории Республики Польша эта страна может столкнуться с рядом серьезных проблем, в том числе долгосрочного характера.

Во-первых, военная истерия, раздуваемая польским руководством [Лыкошина, 2016, с. 185–192], с необходимостью требует от него принятия собственных масштабных мер по укреплению обороноспособности страны для демонстрации ответной атлантической солидарности. Выполнение Польшей принятого на Уэльском саммите (2014) и подтвержденного на встрече в Варшаве (2016) обязательства по увеличению доли расходов на военные нужды до 2% от ВВП является меньшим из зол. В условиях относительно успешной борьбы Польши с проявлениями мирового экономического кризиса эту меру можно объяснить электорату необходимостью обновления в значительной степени устаревшего парка вооружений и военной техники, а также необходимостью поддержки польского военно-промышленного комплекса. Более серьезной пробле-

мой является необходимость увеличения численности вооруженных сил (которые в РП последовательно сокращались с конца 1980-х годов), в связи с чем встает вопрос о возвращении к мобилизационной модели комплектования армии. Польша только в 2012 г. – одной из последних в Восточной Европе и намного позже ведущих государств – членов НАТО (кроме ФРГ) – отказалась от всеобщего призыва (см. табл. 2). Думается, что даже при усилении в сознании части польского электората опасений, связанных с «российской угрозой», многие в Польше будут выступать против возвращения к мобилизационной модели. Подобное решение – при очевидной сложности его проведения через сейм – может грозить поражением партии «Право и справедливость» на выборах и привести к нарастанию общественной критики в отношении НАТО и Запада в целом.

Таблица 2

Особенности системы комплектования вооруженных сил ряда стран – участниц НАТО¹

Государство – член альянса	Особенности комплектования вооруженных сил
<i>Восточная Европа</i>	
Эстония	Призыв (от 8 до 11 месяцев)
Латвия	Отмена призыва с 2007 г.
Литва	Отмена призыва с 2009 г.
Польша	Отмена призыва с 2012 г.
<i>Юго-Восточная Европа (причерноморские страны)</i>	
Болгария	Отмена призыва с 2008 г.
Румыния	Отмена призыва с 2007 г.
<i>Державы НАТО</i>	
США	Отмена призыва с 1973 г.
Великобритания	Отмена призыва с 1964 г.
Франция	Отмена призыва с 2002 г.
Италия	Отмена призыва с 2005 г.
ФРГ	Отмена призыва с 2011 г.

¹ Составлено автором на основе: [Bredow von, 2015, S. 204].

В этих условиях руководство Польши приняло «половинчатое» решение. Министерство обороны РП предложило создать силы территориальной обороны из 17 бригад общей численностью 35 тыс. [Smith, 2016]. Укомплектовать их планируется представителями стрелковых клубов, военно-исторических обществ и различных структур военной направленности. В военном ведомстве признают, что две бригады планируется создать за счет привлечения футбольных фанатов (!) [Ibid.], хотя не исключено, что наличие оружия у последних в условиях миграционного кризиса может привести к кровавым столкновениям с беженцами, что только усугубит эту масштабную социальную проблему. При этом собственно военная ценность подобных частей вызывает сомнения, учитывая, что в НАТО после окончания холодной войны упор делается не на количественные, а на качественные характеристики войск, предназначенных для отражения возможных военных угроз.

Во-вторых, по мнению автора настоящей статьи, факт длительного присутствия на территории Польши значительных по численности иностранных войск вступает в определенное противоречие с декларируемым официальной Варшавой стремлением к проведению «великодержавной политики», которое проявилось, в частности, в ходе украинских событий [Лыкошина, 2016, с. 186–189]. Здесь необходимо подчеркнуть, что впервые после окончания холодной войны речь идет о присутствии в Польше не только войск США (и Великобритании), но войсковых подразделений других стран – участниц альянса, в том числе малых. Демонстративное подключение небольших государств НАТО к решению вопросов обеспечения безопасности Польши может спровоцировать жесткую критику действующего президента и правительства со стороны оппозиции, которая получит возможность упрекать руководство РП в отсутствии собственных военно-политических возможностей. Думается, именно указанным обстоятельством во многом объясняется тот факт, что рамочную основу смешанного батальона НАТО в Польше составили части армии США, а дополнительные подразделения – войска крупных и средних, но не малых европейских стран альянса (в отличие от войсковых частей НАТО в странах Прибалтики). В 2016 г. дополнительный контингент в состав ба-

тальона НАТО в Польше предоставят Великобритания и Румыния. При этом сама Польша приняла участие в размещении БТГ в Латвии [Буланов, 2016] (см. табл. 3), а также стала единственным восточноевропейским государством, участвующим в комплектовании сил повышенной боевой готовности НАТО [Wales Summit., 2014].

Таблица 3

**Особенности комплектования смешанных батальонов НАТО
в Восточной Европе (ротация 2016–2017 гг.)¹**

Восточноевропейская страна, принимающая батальон	Страна НАТО, создающая рамочную основу сил батальона	Государства, дополнительно предоставляющие подразделения в состав батальона
Эстония	Великобритания	Франция, Дания
Латвия	Канада	Италия, Польша, Дания, Словения
Литва	Германия	Франция, Нидерланды, Бельгия, Люксембург, Хорватия
Польша	США	Великобритания, Румыния

Таким образом, польской элите удалось найти компромисс и минимизировать в ближне- и среднесрочной перспективе имиджевые издержки, связанные с тем, что помощь в сфере безопасности Польше оказывают не только основные державы и средние государства – члены альянса, но и входящие в него малые государства, обладающие по сравнению с самой Польшей несоизмеримо меньшими военными возможностями. Думается, однако, что в долгосрочной перспективе, особенно на фоне постепенного улучшения отношений с РФ, целесообразность сохранения иностранного военного присутствия может стать одной из основных тем польского политического дискурса, как это имело место в ФРГ после окончания холодной войны [Antwort., 2011].

¹ Составлено автором на основе: [Буланов, 2016].

Прибалтика: на пути к милитаризации региона?

Параллельно с Польшей активное наращивание военного присутствия НАТО происходит и на территории государств Балтии. В 2014 г. на территории стран региона, в первую очередь Эстонии и Латвии, значительно возросла интенсивность сухопутной военно-тренировочной деятельности альянса. Основная масса воинских подразделений, участвовавших в учениях и маневрах, была представлена контингентами армий англосаксонских держав, северо-европейских государств – членов альянса, Польши и региональных игроков [NATO and Estonian.., 2014]. По мнению автора настоящей статьи, ограниченная вовлеченность ФРГ и ряда других западноевропейских стран – участниц блока в проведение учений на территории Прибалтики объяснялась их стремлением избежать дальнейшего ухудшения отношений с РФ, которая весьма болезненно реагировала на «игру мускулами» у своих границ, особенно на фоне украинских событий. Негативный эффект этих действий был дополнительно усилен тем, что в военно-тренировочной деятельности регулярно принимали участие резервисты армии Эстонии [Ibid.] – единственного восточноевропейского государства НАТО, сохранившего мобилизационную модель комплектования вооруженных сил (см. табл. 2).

Как отмечалось выше, государства Балтии, как и Польша, стали основными территориями для размещения в ВЕ новых войсковых подразделений США и сил НАТО с преимущественным участием европейских стран – членов альянса. Одновременно происходило наращивание военно-воздушного присутствия НАТО в Прибалтике – наряду с модернизацией аэродромов в Латвии на ее территории в июне 2016 г. был перебазирован германский подвижной комплекс установок по слежению за самолетами [German Air Force.., 2016].

Чем можно объяснить изменение позиции ФРГ, выразившееся в ее готовности участвовать в наращивании военно-сухопутных (батальон НАТО в Литве) и военно-воздушных (установки слежения в Латвии) механизмов альянса в Прибалтике? Думается, прежде всего – некоторым снижением риска прямой военной конфронтации между Западом и Россией: весной 2015 – осенью 2016 г.

каждая из сторон уже не столь болезненно воспринимала военно-стратегические меры другой стороны.

Вместе с тем постепенное увеличение количества точек соприкосновения между РФ и Евро-Атлантическим сообществом не привело к отказу последнего от дальнейшего наращивания своего военного присутствия в Восточной Европе, и в первую очередь в государствах Балтии. Так, из 15 учений альянса (преимущественно для военно-воздушных сил), запланированных к проведению в конце сентября – первой половине ноября 2016 г., три должны были пройти в Прибалтике [NATO exercises, 2016]. Думается, что столь значительный интерес официального Брюсселя к Прибалтике – одному из двух (наряду с Польшей) ключевых регионов для размещения новых военных механизмов НАТО в Восточной Европе – обусловлен целым рядом факторов.

Во-первых, истеблишмент небольших прибалтийских государств, особенно Эстонии и Латвии, с момента вступления этих стран в альянс постоянно выказывал опасения по поводу «российской угрозы», которые были обусловлены не только близостью РФ, но и наличием в странах Балтии значительных русскоязычных общин (в том числе – лиц из категории «не-граждан»), рассматривавшихся в качестве проводников влияния Кремля. При этом вооруженные силы стран региона были достаточно слабы, в том числе из-за малочисленности парка боевой техники. Поэтому стремление получить дополнительную помощь как в виде воинских частей более мощных армий НАТО, так и в виде содействия (финансового, технического) процессу модернизации собственных вооруженных сил стало лейтмотивом всего процесса военного строительства в странах Балтии. Ведущие государства Запада использовали данные обстоятельства для укрепления своих позиций в регионе. Так, ФРГ, проявляя заметную сдержанность при использовании своих военных возможностей в регионе, в то же время активизировала работу в формате «В3+1» (Латвия, Литва, Эстония + Германия). В настоящее время Германия успешно применяет этот механизм для демонстрации своей политической солидарности с региональными партнерами. В частности, подвергая критике советско-германский договор о ненападении (1939), глава германского МИД Ф.-В. Штайн-

майер неоднократно подчеркивал, что при наличии гарантий территориальной целостности и неприкосновенности прибалтийских государств со стороны их партнеров по НАТО и ЕС (в том числе – со стороны ФРГ) повторение подобной ситуации невозможно [B3+1-Treffen., 2016].

Во-вторых, демонстрация Североатлантическим альянсом готовности к защите интересов стран Балтии создает благоприятные условия для развития отношений НАТО со Швецией и Финляндией в области международной безопасности, так как северо-восток Европы исторически является приоритетным регионом для данных стран. Думается, что вступление в НАТО этих условно нейтральных стран с их мощной (в том числе – в военном отношении) ресурсной базой является одной из стратегических целей Североатлантического альянса. Юридической основой для налаживания тесного, по сути, близкого к союзническому сотрудничеству стало подписание меморандума о взаимопонимании между альянсом и Швецией и Финляндией [Finland and Sweden., 2014]. И хотя эти государства не подали формальные заявки на вступление в НАТО, они присоединились к подготовке сил быстрого реагирования альянса и стали принимать активное участие в военно-тренировочной деятельности в акватории Балтийского моря, а также на территории Прибалтики и Польши [Smith, 2016].

Таким образом, укрепление военных позиций НАТО в Эстонии, Латвии и Литве принесло значительные политические дивиденды ведущим странам альянса.

А каковы последствия рассматриваемого процесса для самих региональных игроков? С одной стороны, на их территории появились дополнительные военные механизмы. Но, с другой стороны, постепенная милитаризация государств Прибалтики создала весьма неблагоприятный фон для развития отношений с РФ – не только в политической, но и в экономической сфере. Президент России В.В. Путин в послании Федеральному собранию указал на снижение интереса к транзиту широкого спектра российских экспортных товаров через балтийские порты [Послание Президента., 2015]. При этом сокращение российского транзита на фоне двух кризисов – мирового экономического и миграционного внутри ЕС –

может привести к обострению и без того непростых социально-экономических проблем в Эстонии, Латвии и Литве. Очевидно, что позитивный эффект от создания немногочисленных рабочих мест, необходимых для обслуживания лагерей войск НАТО, будет совершенно несопоставим с огромным негативным эффектом от свертывания разветвленных торговых связей с РФ, что только лишний раз подтвердит эфемерность тех результатов, которые были в реальности достигнуты истеблишментом государств Прибалтики посредством активного содействия милитаризации региона.

При новом превращении Восточной Европы в «передовую» линию противостояния Запада и России в середине 2010-х годов региональные игроки (в первую очередь, Польша и прибалтийские государства) получили в свое распоряжение новые военные механизмы НАТО, достаточные для того, чтобы снять опасения своего истеблишмента относительно «российской угрозы». США, желая продемонстрировать тесную связь с восточноевропейскими элитами, начали создание силовых инструментов уже весной 2014 г. Европейские государства – члены альянса включились в этот процесс с опозданием – с осени 2014 г. (а в полном объеме – с осени 2016 г.), в частности, из-за опасения спровоцировать резкое ухудшение отношений с Россией.

При этом реализуемые альянсом меры усилили зависимость восточноевропейских государств от своих партнеров по НАТО как в военном, так и в политическом плане. Страны региона столкнулись с необходимостью качественной модернизации своих вооруженных сил (что весьма проблематично для стран Балтии с финансовой точки зрения), а также с необходимостью их количественного увеличения (что может стать серьезной проблемой для Польши, учитывая неготовность ее населения возвращаться к мобилизационной модели комплектования армии). Все это может дать электорату повод для нарастающей критики действий восточноевропейского истеблишмента. Поэтому следует ожидать, что руководство стран ВЕ продолжит разыгрывать «политическую карту» «российской угрозы», особенно в ближне- и среднесрочной перспективе.

В долгосрочной перспективе руководство стран восточноевропейского региона окажется перед сложной дилеммой: либо, пренебрегая логикой геэкономического развития, пойти на дальнейшее ослабление экономических связей с Россией (что чревато ростом социальных проблем в странах ВЕ), либо поставить вопрос о сокращении военного присутствия НАТО в регионе, т.е. о кардинальном пересмотре предшествующей линии.

Список литературы

Американский генерал рассказал о размещении танков США в Польше и Германии // Взгляд. – М., 2016. – 03.10. – Режим доступа: <http://www.vz.ru/news/2016/10/3/835999.html> (Дата обращения – 08.02.2017).

Буланов К. В НАТО заявили об участии 16 стран в ротации сил в Восточной Европе // РБК. – М., 2016. – 26.10. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/politics/26/10/2016/581105489a7947ab15d62082> (Дата обращения – 08.02.2017).

Договор об обычных вооруженных силах в Европе // ОБСЕ. – Вена, 1990. – 19.11. – Режим доступа: <https://www.osce.org/ru/library/14091> (Дата обращения – 08.02.2017).

Лыкошина Л.С. Украинский кризис и проблемы европейской безопасности в польском политическом дискурсе // Проблемы европейской безопасности / РАН. ИНИОН. – М., 2016. – Выпуск 1. – С. 182–199.

Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. – М., 2015. – 03.12. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864> (Дата обращения – 08.02.2017).

Allied Maritime Command // NATO. – Northwood, 2016. – Mode of access: <http://www.mc.nato.int/org/msg/Pages/default.aspx> (Дата обращения – 08.02.2017).

Antwort der Bundesregierung auf die Kleine Anfrage der Abgeordneten Paul Schäfer (Köln), Inge Höger, Jan van Aken, weiterer Abgeordneter und der Fraktion die Linke: Ausländische Streitkräfte in Deutschland / Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. – Drucksache 17/5586. – Berlin, 2011. – 14. 04. – 20 S. – Mode of access: <http://dipbt.bundestag.de/dip21/btd/17/055/1705586.pdf> (Дата обращения – 08.02.2017).

Außenminister Frank-Walter Steinmeier zum Verhältnis NATO – Russland // Auswärtiges Amt. – Berlin, 2016. – 19.06. – Mode of access: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/Friedenspolitik/Aktuelles/160619-BM_Bild_am_Sonntag.html (Дата обращения – 08.02.2017).

Bredow von W. Sicherheit, Sicherheitspolitik und Militär. – Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2015. – 304 S.

B3+1-Treffen: Außenminister Steinmeier in Riga // Auswärtiges Amt. – Berlin, 2016. – 13.09. – Mode of access: https://www.auswaertiges-amt.de/DE/AAmt/BM-Reisen/2016/160913_LTV/160912_Riga.html (Дата обращения – 08.02.2017).

German Air Force deploys DCRC to Baltic region // NATO. – Ramsten, 2016. – 29.06. – Mode of access: <http://www.ac.nato.int/archive/2016/german-air-force-deploys-dcrc-to-baltic-region> (Дата обращения – 08.02.2017).

Finland and Sweden sign Memorandum of Understanding with NATO // NATO. – Mons, 2014. – 05.09. – Mode of access: <http://www.shape.nato.int/finland-and-sweden-signing-a-memorandum-of-understanding-with-nato-for-operational-and-logistic-support> (Дата обращения – 08.02.2017).

NATO Air Policing // NATO. – Ramsten, 2016. – Mode of access: <https://www.airn.nato.int/page5931922/-nato-air-policing> (Дата обращения – 08.02.2017).

NATO and Estonian Forces participate in exercise Steadfast Javelin-1 // NATO. – Mons, 2014. – 22.05. – Mode of access: <http://www.shape.nato.int/nato-and-estonian-forces-participate-in-exercise-steadfast-javelin-1> (Дата обращения – 08.02.2017).

NATO exercises // NATO. – Mons, 2016. – 27.01. – Mode of access: <http://www.shape.nato.int/nato-exercises> (Дата обращения – 08.02.2017).

NATO Response Force // NATO. – Brussels, 2016. – Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49755.htm (Дата обращения – 08.02.2017).

Smith A.D. Nato countries begin largest war game in Eastern Europe since cold war // The Guardian. – Warsaw, 2016. – 06.06. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/world/2016/jun/06/nato-launches-largest-war-game-in-eastern-europe-since-cold-war-anaconda-2016> (Дата обращения – 08.02.2017).

Supreme Headquarters Allied Powers Europe // NATO. – Mons, 2016. – Mode of access: <http://www.shape.nato.int> (Дата обращения – 08.02.2017).

Szczecin witnesses massive arrival of vehicles and troops for Brilliant Jump 2016 // NATO. – Brunssum, 2016. – 08.05. – Mode of access: <http://www.jfcs.nato.int/page5735825/brilliant-jump-2016/brjp16-news/szczecin-witnesses-massive-arrival-of-vehicles-and-troops-for-brilliant-jump-2016> (Дата обращения – 08.02.2017).

Wales Summit Declaration // NATO. – Newport, 2014. – 05.09. – Mode of access: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm (Дата обращения – 08.02.2017).

Warsaw Summit Communiqué // NATO. – Warsaw, 2016. – 09.07. –
Mode of access: [http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.
htm](http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm) (Дата обращения – 08.02.2017).